

# СТАЛИНИАНА

---

БОРИС СОКОЛОВ



ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ  
И  
СТАЛИН

# Борис Вадимович Соколов

# Лаврентий Берия и Сталин

## Серия «Сталиниана»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68876202](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68876202)*

*Б. В. Соколов. Лаврентий Берия и Сталин: ООО «Издательство «Вече»;*

*Москва; 2021*

*ISBN 978-5-4484-3210-1*

### **Аннотация**

В течение многих десятилетий после его ареста и казни в 1953 году Лаврентия Павловича Берия вспоминали только как одного из самых кровавых сталинских палачей. Лишь с началом перестройки в оценке Берии возникла некая неоднозначность. Выяснилось, что Берия после смерти Сталина стал инициатором реабилитации тех, кто был арестован по «делу врачей» и по некоторым другим громким делам, возникшим в послевоенные годы. Лаврентий Павлович также предлагал объединение Германии, ради которого готов был пожертвовать социализмом в ГДР, нормализовать отношения с Югославией, выступал за заключение перемирия в Корее. Он настаивал на предоставлении большей самостоятельности союзным республикам, повышении роли в них национальных кадров и языков. Берия добился закрытия ряда грандиозных, но заведомо нерентабельных и сомнительных в экологическом

отношении строек. И он же ратовал за отмену прописки и успел почти вдвое уменьшить лагерное население за счет широкой амнистии. И еще Лаврентий Павлович отстаивал совсем уж революционное – перенос центра власти из партийных органов в советские...

Об этом и многом другом рассказывает книга историка Б. Соколова.

# Содержание

К читателю	6
Еще не политик	8
Берия-человек	12
В большевистском подполье в Закавказье	19
Глава закавказских чекистов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	68

# **Борис Соколов**

## **Лаврентий Берия и Сталин**

© Соколов Б. В., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства [www.veche.ru](http://www.veche.ru)

**\* \* \***

## К читателю

В течение многих десятилетий после его ареста и казни в 1953 году Лаврентия Павловича Берию вспоминали только как одного из самых кровавых сталинских палачей, насильника и убийцу. Лишь с началом горбачевской перестройки в оценке Берии возникла некая неоднозначность. Начали постепенно открываться архивы, публиковаться более или менее откровенные директивы той эпохи. И выяснилось, что Берия после смерти Сталина стал инициатором реабилитации тех, кто был арестован по «делу врачей» и по некоторым другим громким делам, возникшим в послевоенные годы. Лаврентий Павлович также предлагал объединение Германии, ради которого готов был пожертвовать социализмом в ГДР, нормализовать отношения с Югославией, выступал за заключение перемирия в Корее. Он настаивал на предоставлении большей самостоятельности союзным республикам, повышением роли в них национальных кадров и языков. Берия добился закрытия ряда грандиозных, но заведомо нерентабельных и сомнительных в экологическом отношении строек. И он же ратовал за отмену прописки и успел почти вдвое уменьшить лагерное население за счет широкой амнистии. И еще Лаврентий Павлович отстаивал совсем уж революционное – перенос центра власти из партийных органов в советские. Словом, Берия оказался предтечей того, что

в той или иной мере стало осуществляться при Горбачеве!

Уже в 90-е годы были опубликованы мемуары сына Лаврентия Берии Серго и последнего уцелевшего бериевца – генерала-лейтенанта госбезопасности Павла Анатольевича Судоплатова, осужденного по делу о мнимом бериевском заговоре. В этих книгах, особенно, что естественно, в сочинении сына, Лаврентий Павлович предстает почти что рыцарем без страха и упрека. Но такого Берию наше общество тоже не приняло. Уж слишком хорошо было известно, что за Берией – не только добрые дела, но и самые настоящие преступления, вроде Катыни и иных массовых репрессий.

Да, Берия, безусловно, не был ангелом. Но вряд ли справедливо числить его и дьяволом. Правильнее сказать, что Лаврентий Павлович, как и его коллеги по Политбюро, был одним из мелких бесов при дьяволе Сталине.

Хочу принести благодарность моим друзьям Андрею Мартынову, безвременно умершему Николаю Руденскому и Владимиру Сорокину, предоставивших ряд весьма ценных материалов и идей для этой книги.

## Еще не политик

29 (а по старому стилю – 17) марта 1899 года в горном селении Мерхеули в Абхазии, недалеко от Сухуми, в семье Павле Берии и Марты Джакели родился сын Лаврентий. Хотя и находилось село в Абхазии, но жили там одни мингрелы.

Как свидетельствует сын Лаврентия Серго: «Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном». Родители Лаврентия были мингрелами – это особая этническая группа грузин, к которой собственно грузины относятся свысока. Павле был бедным крестьянином, а Марта – из обедневших дворян. Она даже приходилась дальней родственницей князьям Дадиани, прежним феодальным властителям Мингрелии. Однако род Джакели давно разорился, и Марта была столь же бедна, как и её муж. Павле крестьянствовал, но так и не выбился из нужды. Марта подрабатывала шитьём – и это постепенно стало главным источником дохода семьи. К дочери и сыну от первого брака вскоре прибавилось трое детей. Но судьба всех трёх сложилась несчастливо. Старший сын в два года умер от оспы. Дочь Анна после перенесённой болезни навсегда осталась глухонемой. Все надежды родители связывали со вторым сыном, Лаврентием. Чтобы дать ему образование, отец даже продал половину своего дома. Буду-

щего шефа НКВД определили в Сухумское реальное училище. В 15 лет Лаврентий окончил его с отличием. Чтобы он смог поступить в Бакинское механико-строительное техническое училище, отцу пришлось продать вторую половину дома и переселиться в убогую хибару.

Что удивительно: тот, кого позднее представляли «кровавым палачом» и «людоедом», и кто действительно загубил десятки тысяч человеческих жизней, похоже, верил в Бога. Серго Берия свидетельствует: «Отец мечтал об архитектуре и сам был хорошим художником. Вспоминаю одну историю, связанную с моим детством. Верующим человеком я так и не стал, хотя с глубоким уважением отношусь к религии. А тогда, мальчишкой, я был воинствующим безбожником и однажды разбил икону... Бабушка Марта была очень огорчена. Она была верующая и до конца жизни помогала церкви и прихожанам.

Возвратившись с работы, отец остудил мой атеистический пыл и... нарисовал новую икону. Тот разговор я запомнил надолго: «К чужим убеждениям надо относиться с уважением».

Вряд ли этот эпизод Серго Лаврентьевич выдумал. Хотя бы потому, что, как кажется, будучи атеистом, так до конца и не понял смысл происшедшего и остался в уверенности, что отец его в Бога не верил, но с уважением относился к религиозной вере других. Однако эпизод с иконой, если он не придуман (а придумать его трудно) однозначно доказывает, что

Лаврентий Павлович был верующим. В принципе невозможно, чтобы икону писал неверующий иконописец, ведь тогда она не будет иметь никакой духовной силы, и обращенные к ней молитвы потеряют всякий смысл. Берия-старший не мог этого не знать и вряд ли бы подложил такую свинью горячо любимой матери, как картинка вместо иконы. Значит, он сохранил веру в Бога, и мать об этом знала. Другое дело, что, занимая высокие партийные и чекистские посты, Лаврентий Павлович вряд ли когда-нибудь ходил в церковь, а когда переехал в Москву, оставив мать в Тбилиси, вряд ли рисковал держать дома иконы. В тбилисской же квартире, где иконы на стенах оправдывались присутствием старухи-матери, Лаврентий Павлович, быть может, украдкой и молился. Только вот как вера в Бога сочеталась у него с тем, что он отправил на смерть десятки тысяч ни в чем не повинных людей? Кто знает, быть может, Берия, губя людей ради карьеры, утешал себя тем, что когда-нибудь дойдет до высшей власти в государстве и тогда уж сможет облагодетельствовать всех, искупить прежние грехи.

Мальчик был талантлив, и Павле надеялся, что сын выбьется в люди. Лаврентий очень рано обнаружил способности к рисованию и интерес к архитектуре. Но стать архитектором ему не довелось. Ещё в октябре 1915 года, как отмечал Берия в автобиографии, написанной 27 октября 1923 года, он с группой студентов Бакинского технического училища организовал нелегальный марксистский кружок и стал его

казначеем. Этот кружок просуществовал вплоть до Февральской революции. Дальше чтения марксистской литературы и выступлений с докладами дело здесь не пошло, и о существовании кружка власти наверняка даже не подозревали. А уже в марте 17-го Лаврентий с несколькими товарищами организовал в училище большевистскую ячейку.

Может, конечно, про марксистский кружок, основанный еще в 1915 году, Берия и наврал. Равно как и про то, что сразу после Февральской революции основал в училище большевистскую ячейку. В последнее, честно говоря, верится с трудом. Большевиков тогда было сравнительно мало, и вряд ли бы сторонников Ленина сразу же после свержения царизма в Бакинском техническом училище набралось на целую ячейку. Скорее всего, Лаврентию Павловичу важно было показать, что он вступил в большевистскую партию еще до Октябрьской революции.

Но насчет марксистского кружка Берия мог сказать правду. Идеи марксизма накануне и во время Первой мировой войны продолжали сохранять популярность среди молодежи, особенно студенческой. Молодые люди объединялись в кружки для изучения работ Маркса, которые, казалось, давали ответы на все животрепещущие вопросы современной жизни. Такие марксисты далеко не всегда причисляли себя к партиям большевиков и меньшевиков, и власти на подобные кружки порой смотрели сквозь пальцы.

# Берия-человек

Каким человеком был Лаврентий Павлович? Многие десятилетия сама постановка такого вопроса публике казалось кощунственной. Лаврентия Павловича иначе, чем исчадие ада, многие не воспринимали. Сын же Серго рисует почти иконописный портрет отца – пламенного рыцаря революции, печальника о благе России, Грузии и всего человечества, ставшего жертвой козней темных сил в лице Хрущева, Маленкова и примкнувших к ним Молотова, Кагановича и прочих членов Президиума ЦК.

Серго Берия пишет, что его отец был разносторонне одаренным человеком: «Рисовал карандашом, акварелью, маслом. Очень любил и понимал музыку... Мама часто покупала пластинки Апрелевского завода с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных дозах. Пьяным я его никогда не видел...

Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фами-

лии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-видимому, отец просто не обращал внимания на такие вещи... Жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято. В нашей семье, по крайней мере, стремления к роскоши не было никогда.

Дача... была одна, современной постройки... Пять небольших комнат, включая столовую, в одной... стоял бильярд...

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК (это – знаменитый после романа Юрия Трифонова «Дом на набережной». – Б.С.). Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Мама не захотела. «Ладно, – сказал Сталин, – как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут».

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнат. Сталин приехал, осмотрел и говорит: «Я в ссылке лучше жил». И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Коротов и басейнов ни у кого там не было...

Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба... Комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что бы-

ло необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись... Лишь один пример: вторых брюк у меня не было...

Вспоминаю наши лыжные походы в Подмосковье, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли... и сетку волейбольную купили...

Когда уезжали в отпуск на юг – а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах...

Вместе с мамой посещал манеж – к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну, а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение, конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо».

Воля ваша, но как-то не вяжется образ Берии-спортсмена с фотографиями тучного, одутловатого Лаврентия Павловича последних лет жизни. Хотя допускаю, что в 20-е и 30-е годы он занимался физкультурой достаточно активно.

Создается впечатление, что, даже достигнув высокого положения, Берия так и не приобрел вкуса к роскоши. Похоже,

по-настоящему его интересовали только карьера и власть. Серго Лаврентьевич свидетельствует: «Отец был непривередлив в еде... Был повар, очень молодой симпатичный человек. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, навещали близкие из Грузии, друзья».

В художественной литературе Берия, как правило, играет дежурную роль злодея в исторических боевиках, посвященных сталинской эпохе. И лишь в одном произведении этот персонаж предстает в качестве полнокровного и колоритного героя, чья пародийность не мешает воспринимать его как рельефный портрет реального исторического лица, пусть и преобразованный художественной фантазией.

В романе Владимира Сорокина «Голубое сало» действие происходит в Советском Союзе в 1954 году. Здесь Сталин вовсе не умер в 53-м, а построил мощную державу, основанную на русской национальной идее. Многие персонажи носят здесь имена исторических лиц, но подчеркнута наделены внешностью, почти ничего общего не имеющей с внешностью прототипа. Вот как выглядит Берия у Сорокина: «Бе-

рия встал, снял пенсне и неторопливо протер его замшевой тряпочкой. Это был высокий худощавый человек с большой яйцеобразной почти безволосой головой, узко скошенными плечами и длинными руками с выразительными тонкими пальцами; лицо его, узкое и вытянутое книзу, всегда имело выражение рассеянной углубленности в себя, которое встречается обычно у людей искусства. Небольшие зеленые глаза подслеповато щурились, полные губы блестели со вкусом подобранной помадой. На Берии был превосходный темно-синий фрак с орденом Красного Знамени в алмазном венце. Очень высокий стоячий воротник красиво поддерживал узкие худые скулы министра госбезопасности.

Берия надел пенсне на свой тонкий небольшой нос и заговорил тихим четким голосом...»

Читатели наверняка оценили юмор. Стройный красавец Берия, да еще с напомаженными губами (намек, что уж женщины его никак не интересуют), – в «Голубом зале» и невысокий толстяк с жабоподобным лицом на сохранившихся фотографиях конца 40-х – начала 50-х годов.

Берия «Голубого зала» произносит панегирик физикам Ландау и Сахарову (оба они действительно работали в подчинении у Берии в реальной жизни): «Друзья. Мне хотелось бы сказать несколько теплых слов о наших замечательных советских ученых, двое из которых присутствуют здесь. Благодаря нашей науке, страна Советов из отсталой аграрной империи стала индустриальным гигантом. Благодаря нашей

науке, у нашего народа появился ядерный щит, способный окоротить любого агрессора. Наконец, наши ученые вплотную подошли к разгадке феномена времени. Представляете, что ждет всех нас, когда советские люди смогут управлять временем? Я сам человек хладнокровный, не поддающийся эмоциям. И тем не менее, товарищи, у меня дух захватывает, когда я думаю об этом. Выпьем же за здоровье наших ученых!»

В жизни Лаврентий Павлович разговаривал с учеными совсем не так возвышенно. А. Д. Сахаров вспоминает, как он обращался к своим коллегам-чекистам, но так, чтобы и будущие академики, присутствовавшие на совещании, поняли, что их это тоже касается: «Берия встал и произнес примерно следующее: «Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы Вас не будем наказывать, мы надеемся, что Вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!»

В целом же Берия, если попытаться взглянуть на его человеческие качества непредвзято, – это человек дела. Он ставит перед собой и перед подчиненными конкретные задачи и стремится их разрешить любыми средствами, в том числе и самыми варварскими, путем репрессий и угроз. При этом Лаврентий Павлович относительно равнодушен к жизненным благам, хотя и аскетом, особенно по части прекрасного.

го пола, его не назовешь. Для него важнее – сделанное дело и продвижение к вершинам власти по служебной лестнице. При этом ему свойственна забота о родных, близких и подчиненных, которых он старался не оставлять без внимания и поддержки при любых обстоятельствах. Вот этика любви к дальнему Берии, похоже, не была свойственна. К людям незнакомым можно было применять любые методы. Но без нужды Лаврентий Павлович человека предпочитал не губить – только тогда, когда, как он считал, не оставалось другого выхода.

## **В большевистском подполье в Закавказье**

По всей вероятности, путь Берии в ЧК начался на фронте, где он по-настоящему сблизился с большевиками. В июне 1917 года Лаврентия в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы направляют в Одессу, а потом на Румынский фронт, где он работал в лесном отряде села Негулешты. После развала фронта осенью он вернулся в Баку, где в 1919 году закончил техническое училище. В автобиографии Берия писал: «...Начиная с 1917 года, в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийно-советской работы, которая перебрасывает меня с места на место, из условий легального существования партии (в 1918 г. в г. Баку) в нелегальные (19 и 20 гг.) и прерывается выездом моим в Грузию».

В начале 1918 года, после развала Румынского фронта, Лаврентий возвратился в Баку. Восемь месяцев, вплоть до сентябрьской оккупации города турецкими войсками, он работал в секретариате Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Вместе с турками в город вернулись лидеры азербайджанской социалистической партии «Мусават» – сторонники национальной независимости Азербайджана. При мусаватистском правительстве Берия с

октября 1918 до января 1919 года работал конторщиком на заводе «Каспийское товарищество Белый Город». Затем он стал председателем подпольной большевистской ячейки бакинских техников, оставаясь на этом посту вплоть до занятия Баку Красной армией в апреле 1920 года.

С работы же на заводе Берия ушел, чтобы продолжать учебу. В автобиографии он писал: «В связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я вынужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора...»

Здесь, пожалуй, уже проскальзывает определенный прагматизм. Берия предпочитает завершить свое образование, а не отдаваться повседневной партийной работе. Да и ячейкой техников, сдается мне, Лаврентий вряд ли руководил. Ведь после окончания училища он был направлен на службу в контрразведку мусаватистского правительства. Позднее, на процессе 1953 года, этот факт расценили как предательство. Однако в архиве сохранилась объяснительная записка старого большевика И. П. Павлуновского, в 1919–1920 годах являвшегося заместителем начальника Особого отдела ВЧК. В 1926–1928 годах Иван Петрович руководил Закавказским ГПУ, а в 1932 году стал заместителем наркома тяжелой про-

мышленности Серго Орджоникидзе и, как и 12 из 13 заместителей Серго, не пережил Большой Чистки. Его записка датирована 25 июня 1937 года, еще до ареста, и адресована лично Сталину. Павлуновский писал, что перед назначением на работу в Закавказье имел беседу с председателем ВЧК: «...Т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватистской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных т.т. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе». В Тифлисе Орджоникидзе подтвердил Павлуновскому, что Берия работал в мусаватистской контрразведке по поручению партии, и об этом известно не только ему, Орджоникидзе, но и Кирову, Микояну и тогдашнему секретарю Кавказского бюро партии А. М. Назаретяну. Павлуновский заключил свою записку следующими словами: «Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне: а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытаются использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в мусаватистской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет. Я спросил у Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т. Сталину говорил».

Павлуновский также сообщил об отношении Орджони-

кидзе к Берии: «В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину».

У Павлуновского не было мотивов исказить биографию Лаврентия Павловича или приукрашивать отношение к нему Орджоникидзе. С Берией он был на ножах, и из-за конфликта с ним Павлуновский в 1928 году вынужден был покинуть Закавказье. Сталин же, несмотря на конфликт с Серго и самоубийство последнего, согласился с его характеристикой деловых качеств Берии. Иосиф Виссарионович всегда ценил Орджоникидзе как опытного хозяйственника, и рекомендацию, данную Берии, воспринял очень серьёзно. Тем более, что о Лаврентии Павловиче хорошо отзывался и Микоян. Во всяком случае, Сталин не считал Берию скомпрометированным. Через два месяца после записки Павлуновского Лаврентий Павлович был вызван в Москву и назначен заместителем Ежова.

Сам Берия никогда не скрывал факт своей службы в мусаватистской контрразведке. В частности, в автобиографии 1923 года можно прочесть: «Осенью того же 1919 года от партии Гуммет (легально действовавшей в Азербайджане партии социал-демократического толка, сотрудничавшей с большевиками. – *Б.С.*) поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизитель-

но в марте 1920 года, после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне». Из контекста этого сообщения становится ясно, что в контрразведке Берия работал как тайный большевистский агент и вынужден был спешно покинуть службу в контрразведке после разоблачения и гибели своего сообщника.

Вскоре Баку заняла Красная армия. И Лаврентий Павлович сразу же был направлен на нелегальную работу в Грузию, где у власти находилось меньшевистское правительство. Согласимся, что сотрудника контрразведки только что свергнутого правительства не стали бы отправлять со столь деликатной миссией в страну, которую большевики собирались захватить, если только он не был в действительности «засланным казачком».

Берия выехал в Тифлис. Арестованный после Второй мировой войны грузинский эмигрант Ш. Беришвили, живший в Париже, во время следствия в 53-м году показал: «Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамишвили – бывший министр внутренних дел при меньшевиках – прочитали в тбилисской газете «Коммунист» (а газету мы выписывали) о назначении Берии на какую-то должность, то Рамишвили вспомнил в моём присутствии об аресте Берии в 1920 году меньшевистским правительством. Рамишвили сказал, что Берия был арестован начальником особого отряда Меки Кедия в 1920 году, когда Берия из Баку приехал в

Грузию по какому-то заданию от большевиков. Рамишвили тогда же сказал мне, что Берия после ареста всё рассказал ему о своих заданиях и связях. Я удивился, а Рамишвили велел мне напомнить об этом, когда к нему придёт Кедия Меки. Последний к нам вообще приходил часто.

Когда к нам пришёл Меки Кедия, то мы спросили его об аресте Берии в 1920 году и о том, как Берия вёл себя на допросах. Кедия подтвердил, что Берия после ареста плакал и всех выдал, после чего был освобождён».

Показания Беришвили как будто подтверждает и двоюродный брат самого Лаврентия Павловича Герасим Берия. На его квартире Лаврентий останавливался в 1920 году, когда приехал в Тифлис. Герасим сообщил следователям, что нашёл брата в тюрьме под его настоящей фамилией, а не под вымышленной – Лакербайя, о которой речь впереди. Он также подтвердил, что на его квартире после ареста Лаврентия особым отрядом был произведён обыск.

Интересно, а что писал об этом эпизоде сам Лаврентий Павлович? В автобиографии 1923 года о пребывании в Грузии в 1920 году рассказано так: «С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом компартии большевиков от регистрада (регистрационного, т. е. разведывательного отдела. – Б.С.) Кавказского фронта при РВС 11-й армии командуюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амая-

ка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с центральным комитетом Грузии, но согласно переговорам Г. Стуруа с Ноем Жордания (главой грузинского правительства. – *Б.С.*) освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию».

Далее Берия сообщил, что ему тогда удалось остаться в Грузии и под вымышленной фамилией Лакербайя поступить на службу в представительство РСФСР, которое возглавлял Киров. В мае 20-го Берия выехал в Баку за директивами в связи с заключением мирного договора между Россией и Грузией (большевики соблюдали его всего несколько месяцев), но на обратном пути его арестовали. Кирову не удалось вызволить Берия, и Лаврентия Павловича отправили в Кутаисскую тюрьму, отличавшуюся суровым режимом. Он провёл там больше двух месяцев. В августе в результате голодовки политзаключённых Берия и другие заключённые большевики были освобождены и в августе 1920 года высланы в Баку. Там Лаврентий Павлович сразу же был назначен управляющим делами ЦК компартии Азербайджана. Вряд ли бы ему доверили столь ответственный пост, если бы имелись сведения о его недостойном поведении в тюрьме.

Герасим Берия наверняка имел в виду первый арест брата, когда тот действительно содержался в Тифлисской тюрьме.

ме под своей настоящей фамилией. В Кутаисской же тюрьме Лаврентий Павлович находился под именем Лакербайя и так и не был опознан грузинскими властями. Предположение же следователей в 1953 году, что Берия был освобождён из тюрьмы потому, что выдал грузинской контрразведке сеть советской агентуры, вряд ли основательно. Ведь первый раз его арестовали вместе с большой группой членов ЦК Грузинской компартии, но быстро освободили, благодаря хлопотам Г. Ф. Стуруа, представлявшего советскую сторону в Грузии. Во второй же раз Лаврентия Павловича посадили в Кутаисскую тюрьму, где брат навещать его никак не мог. Очевидно, Шалва Беришвили, уже находившийся в заключении, готов был дать любые необходимые следователям показания против Берии и вольно или невольно соединил два ареста будущего шефа НКВД в один.

Меньшевистская Грузия была всё-таки демократическим государством, и осудить человека даже на тюремное заключение, а тем более на смерть, там можно было, лишь имея против него веские улики. Такими уликами против Берии грузинская контрразведка, вероятно, не обладала. К тому же мнимый Лакербайя был, как-никак, сотрудником советской дипломатической миссии, а с Советской Россией в то время поддерживался хрупкий, но мир.

Насчёт участия самого Лаврентия Павловича в знаменитой голодовке сохранилось не слишком лестное для него свидетельство. В характеристике, данной Берии в 20-е го-

ды комиссией ЦК компартии Грузии, отмечалось: «В тюрьме не подчинялся постановлениям парторганизации и проявлял трусость. К примеру: не принимал участия во времени объявления голодовки коммунистов». Но мы не знаем, следствием каких интриг и борьбы за власть в недрах грузинского ГПУ стала вышеуказанная характеристика, где Берия также обвинялся в уклонах к левизне, бюрократизму и карьеризму, и признавалось невозможным использовать его на более ответственной работе.

Ранее же Лаврентий Павлович получил в Баку в высшей степени превосходную характеристику. Этому предшествовали следующие события, изложенные в автобиографии: «На этой должности (управляющего делами ЦК компартии Азербайджана. – *Б.С.*) я остаюсь до октября 1920 года, после чего Центральным Комитетом назначен был ответственным секретарём Чрезвычайной Комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Эту работу я и т. Саркис (председатель комиссии) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 года). С окончанием работы в Комиссии мне удаётся упросить Центральный Комитет дать возможность продолжить образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 году). Согласно моим просьбам ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через БакСовет. Однако не проходит и двух недель, как ЦК посылает требование в Кавбюро откомандировать меня на работу в Ти-

флис, своим постановлением назначает меня в АзЧека заместителем начальника секретно-оперативного отдела (апрель 1921 г.) и вскоре уже – начальником секретно-оперативного отдела – заместителем председателя АзЧека».

Отныне целых одиннадцать лет жизни Лаврентия Павловича будут связаны с чекистской работой.

# Глава закавказских чекистов

В должности начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК Берия вплоть до 1922 года находил возможность урывками учиться и в Политехническом институте. В 1923 году секретарь ЦК Азербайджанской компартии Рухулла Ахундов выдал Берии удостоверение-характеристику: «Удостоверение дано сие ответственному партийному работнику тов. Берии Л. П. в том, что он обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Работая управделами ЦК Азербайджанской компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрада Кавказского фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарём Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней деятельности, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве...» Столь же лестную характеристику дал Берии в 1924 году первый секретарь Закавказского крайкома партии А. Ф. Мясников: «Берия – интеллигент... Заявил себя в Баку как способный чекист на посту заместителя председателя ЧК Азербайджана и начальника секретно-оперативной ча-

сти. Ныне начсот (начальник секретно-оперативной части. – Б.С.) Грузинской ЧК».

Берия с гордостью отмечал в автобиографии, что активно участвовал в разгроме мусульманской организации «Иттихад», которая, по его утверждению, насчитывала «десятки тысяч членов», и ликвидации Закавказской организации правых эсеров. За эту последнюю операцию Лаврентий Павлович 6 февраля 1923 года был отмечен специальным приказом коллегии ВЧК: «За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социал-революционеров начальник секретно-оперативной части Бакинского губотдела тов. Берия и начальник секретного отдела тов. Иоссем награждаются оружием – револьвером системы «Браунинг» с надписями, о чём занести в их послужные списки...» Кроме того, 12 сентября 1922 года Совнарком Азербайджана отметил заслуги Берии похвальным листом.

В Грузии, где с осени 22-го Лаврентий Павлович возглавлял секретно-оперативную часть и являлся заместителем начальника местного ЧК, он тоже неплохо проявил себя. В автобиографии Берия отмечал: «...Принимая во внимание всю серьёзность работы и большой объект, отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удаётся достигнуть серьёзных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисовет-

ской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность. Результаты достигнутой работы отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения меня орденом Красного Знамени...»

Итак, в 23 года Лаврентий Берия – уже заместитель начальника Грузинского ЧК и руководитель самого важного ее подразделения – секретно-оперативной частью, занимавшейся наблюдением за настроениями населения и разработкой оперативных мер против тех, кто подозревался в намерении бороться с советской властью.

Когда познакомились Берия и Сталин, достоверно неизвестно. Некоторые историки относят это событие ко времени подавления грузинского восстания 1924 года. Возможно, это произошло и раньше. Во всяком случае, уже в январе 1924 года Берия докладывал лично Сталину о том, что Троцкий был столь слаб в день похорон Ленина, что не смог выступить публично, а лишь написал статью, которую прочитали по радио. Кстати, этот доклад опровергает версию самого Троцкого, что он не приехал на похороны из-за козней Сталина, сообщившего неверную дату траурной церемонии. Судя по всему, Лев Давидович был действительно болен и физически не мог присутствовать на прощании с Лениным.

В январе 24-го, Берия, конечно, не мог предполагать, что через шестнадцать с половиной лет ему придется возглавить операцию по уничтожению Троцкого. Но, думаю, уже тогда, наблюдая борьбу Троцкого и Сталина, понял, что Лев Да-

выдович обречен. Он апеллировал к партийной массе, т. е. к тем, для кого он был заведомо чужой. Старая гвардия не могла простить Троцкому его меньшевизма до 1917 года. Молодой призыв, пополнивший партийные ряды после смерти Ленина, чувствовал себя обязанным возглавляемому Сталиным партаппарату, а отнюдь не Троцкому. А Лаврентию Павловичу не хотелось быть среди проигравших.

Особенно ярко проявился сыскной талант Берии при подавлении меньшевистского восстания в августе – сентябре 1924 года. Вот что рассказывает об этом со слов отца сын Лаврентия Павловича Серго: «В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнаёт, причём заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе (в честь которого и был назван Серго Лаврентьевич. – *Б.С.*), в свою очередь, передаёт его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые бы позволили предотвратить кро-

вопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг – допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а, следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо, получив согласие Москвы, не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили её всего лишь как провокацию...

В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброски отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение – арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике (так оно во многом и было. – *Б.С.*) и не способна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руковод-

ство в обратном.

Джугели всё же был арестован, но из-за досадной случайности – его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомился с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики всё же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понёс бессмысленные жертвы, которые вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития ещё можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей...»

Более логичным кажется предположение, что Джугели, как и бывший мэр Тифлиса Баня Чикашвили и бывший член Конституционной ассамблеи Грузии Ной Хомерики были выслежены и арестованы чекистами в надежде обезглавить готовившееся восстание и тем самым либо предотвратить, либо значительно ослабить его. Однако восстание, вопреки ожиданиям Берии и его сотрудников, оказалось довольно мощным и продолжалось более двух недель. Сначала повстанцам сопутствовал успех. Им удалось овладеть рядом городов Западной Грузии, в том числе Чиатурой, Сухумом, Батумом и Кутаиси. Бои шли даже в пригородах Тбили-

си. Но вскоре для борьбы с восстанием были переброшены дополнительные части Красной армии, и под натиском численно и технически превосходящего противника сторонники независимости Грузии вынуждены были отступить. В начале сентября часть из них через Батумский порт ушла морем в Турцию. Многие раненые повстанцы были захвачены в плен. Ряд из них, а также арестованных накануне восстания Джугели, Хомерики и Чикашвили расстреляли, других отправили в концлагеря.

Накануне восстания Берия попробовал сменить место работы. В конце уже цитированной автобиографии 1923 года, написанной накануне восстания, Берия просит ЦК предоставить ему возможность продолжать образование в техническом институте, поскольку видит своё призвание именно в этой отрасли знаний, имеет уже законченное специальное техническое образование и сможет отдать свой опыт и знания советскому строительству именно в этой области, а партия сможет после завершения учёбы использовать его там, где сочтёт нужным. Лаврентий Павлович не стыдился признаться: «За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование». К моменту своего отъезда из Баку в Тифлис в 1922 году Лаврентий Павлович успел закончить два курса Бакинского технического института, в который было преобразовано прежнее техническое училище. В 1921 году Берия даже

собирались командировать в Бельгию для изучения технологии нефтедобычи, но потом передумали и направили на оперативно-чекистскую работу, где он к концу 23-го достиг немалых успехов. И вдруг чекиста охватывает тяга к техническим знаниям. Он готов оставить успешно начавшуюся чекистскую карьеру. Возможно, Берия осенью 23-го догадывался о том, что меньшевики рано или поздно поднимут народ на восстание, и не хотел участвовать в уничтожении соотечественников-грузин. А заодно пробовал вернуться в Баку, в институт, чтобы не участвовать в будущей расправе над повстанцами.

С несостоявшейся поездкой в Бельгию связана женитьба Берии. Вот что рассказала об этом в годы перестройки его вдова Нина Теймуразовна Гегечкори: «Я родилась в семье бедняка. Особенно трудно стало матери после смерти отца... Росла я в семье родственника – Александра Гегечкори, который взял меня к себе, чтобы помочь моей маме. Жили мы тогда в Кутаиси, где я училась в начальной женской школе. За участие в революционной деятельности Саша часто сидел в тюрьме, и его жена Вера ходила встречаться с ним. Я была ещё маленькая, мне всё было интересно, и я всегда бегала с Верой в тюрьму на эти свидания. Между прочим, тогда с заключёнными обращались хорошо (это свидетельство противоречит утверждению самого Берии в автобиографии 1923 года, будто в Кутаисской тюрьме были невыносимые условия. – *Б.С.*). Мой будущий муж сидел в одной камере с Са-

шей. Я не обратила на него внимания, а он меня, оказывается, запомнил.

После установления советской власти в Грузии Сашу, активного участника революции, перевели в Тбилиси, избрали председателем Тбилисского ревкома. Я переехала вместе с ними. К тому времени я была уже взрослой женщиной, отношения с матерью (имеется в виду приёмная мать – жена Саши Вера. – *Б.С.*) у меня не сложились.

Помню, у меня была единственная пара хороших туфель, но Вера не разрешала мне их надевать каждый день, чтобы они подольше носились. Так что в школу я ходила в старых обносках, старалась не ходить по людным улицам – так было стыдно своей бедной одежды...

В первые дни установления советской власти в Грузии студенты организовали демонстрацию протеста против новой власти. Участвовала в этой демонстрации и я. Студентов разогнали водой из пожарного брандспойта, попало и мне – вымокла с головы до ног. Мокрая, я прибежала домой, а жена Саши Вера спрашивает: «Что случилось?» Я рассказала, как дело было. Вера схватила ремень и хорошенько меня отлупила, приговаривая: «Ты живёшь в семье Саши Гегечкори, а участвуешь в демонстрациях против него?»

Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал: «– Хочешь не хочешь, но мы

обязательно должны встретиться и поговорить».

Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Недзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк.

Сели мы на скамеечку. На Лаврентии было чёрное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной, и что я ему очень нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось двадцать два года.

Он объяснил, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование – Лаврентий должен жениться.

Я подумала и согласилась – чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью. Так, никому ничего не сказав, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня. Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию».

Для Нины Теймуразовны это, несомненно, был брак по расчёту. Брак с молодым и перспективным чекистом помогал обрести определённое положение в обществе. Да и Лаврентий Павлович, похоже, женился не только под влиянием романтического чувства, но и потому, что для поездки за границу срочно требовалось обзавестись супругой.

В Тифлисе (Тбилиси), где Берия жил вплоть до 1938 года,

о нем сохранилась добрая память. Вот что пишет Николай Зенькович, посетивший Тбилиси уже в наши дни: «Никакой злости или неприязни – исключительно доброжелательное отношение сохранилось у бывших его соседей по большому тбилисскому дому, где Берия жил до переезда в Москву, занимая крупные посты в Грузии... Будучи первым секретарем ЦК компартии Грузии, он в свободное время самолично установил во дворе дома турник, кольца, другие спортивные снаряды... Чтобы каждое утро делать в построенном своими руками спортгородке зарядку с соседскими ребятами – согласитесь, на такое способен далеко не каждый нынешний представитель власти, считающий себя чистокровным демократом».

В Тифлисе Берия в августе 1924 года сделал очередной шаг в карьере: он возглавил секретно-оперативную часть полномочного представителя ОГПУ в Закавказской Федерации. В 1927 году Лаврентий Павлович стал председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя ГПУ Закавказья, а в 1931 году возглавил, наряду с грузинскими, и всех закавказских чекистов, сделавшись одновременно полномочным представителем ОГПУ по Закавказью.

Берии приходилось составлять секретно-оперативные сводки о настроениях населения и разного рода антисоветских акциях. Они не оставляли никаких иллюзий: местные жители особой любви к большевикам не испытывали и видели новую власть в том, что жить становилось все труднее

и труднее.

В Грузии и в Закавказье в целом Лаврентию Павловичу пришлось трудиться не покладая рук, подавляя восстания и выявляя и репрессировав недовольных советской властью. Одно из крупных восстаний вспыхнуло в марте 1929 года в Аджарии. Его центром стал Хулинский уезд. Поводом к нему послужили попытки закрыть медресе и обязать всех местных мусульманских женщин снять чадру. Берия был категорически против столь радикальных мер в кампании по борьбе с религией. Но руководство Аджарии его не послушало, и восстание предотвратить не удалось. Главе грузинских чекистов пришлось непосредственно руководить его подавлением. Оно облегчалось тем, что повстанцы не получили никакой поддержки со стороны Турции. Даже пограничные турецкие власти, обычно дружественно настроенные к единоверцам-аджарцам, на этот раз соблюдали полный нейтралитет. Как отмечал Берия в сводке от 13 марта 1929 года, приехавший 7 марта увещевать повстанцев и захваченный ими в заложники глава правительства Аджарии Мамед Гогоберидзе, «обратившись к руководителям повстанцев – Зебиту Джоидзе, Абдулу Такидзе и Мемеду Эфенди, заявил: «Прежде чем поднимать восстание против России, вы должны послать делегатов в Турцию, в Кединский и Кобулетский уезды и заручиться их поддержкой, после чего, возможно, я сам бок о бок стану сражаться с вами, до установления границы до реки Чолока и объявления независимости Аджарии»

стана. Вы хорошо должны учесть, что Турция и Россия находятся в союзе, а посему необходимо узнать, согласится ли Турция поддержать вас. Мой брат, проживающий в Кобулетском уезде, который решительно ничего не имеет, его причислили к кулакам, обложили большими налогами и лишили права голоса. Он первый присоединится к вам».

Советский чиновник, вполне возможно, преувеличивал свой сепаратизм и оппозиционность власти, поскольку восставшие могли его прикончить. Но в целом его позиция выглядела слишком уж соглашательской, за что он и поплатился после подавления мятежа своим постом.

В том же донесении от 13 марта 1929 года Берия особо подчеркнул, что «лозунгами, объединившими все слои крестьянства, явились «За чадру», «Против закрытия медресе», «За религию». Из числа требований следует указать на требование «сменить уездных работников», «дать лес крестьянам», «отменить Госстрахование» и проч.». Центром восстания стало Чванское теми, население которого поддерживало тесные связи с местными беками (землевладельцами) – бежавшими в Турцию братьями Химиашвили (Химшиевыми).

С первых же дней мятежа Берия прибыл в Аджарию. Он докладывал главе Закавказского ГПУ свояку Сталина С. Ф. Реденсу: «Согласно решения совещания ЦК КП(б) Г выехал в Батум, куда я прибыл 9 марта в 4 часа. Из беседы с находящимися здесь товарищами – зам. Пред АдГПУ т. Меркуловым и зав. АгитПропом обкома т. Асатиани, за-

мещающего секретаря обкома т. Панухова, ввиду отсутствия последнего, выясняется следующая предварительная картина того, что происходило и происходит в Хулинском уезде Аджаристана... Нелепую попытку вооруженного выступления нужно считать ликвидированной. Чрезвычайно важно сейчас глубже взглянуть на происшедшие события и попытаться и попытаться дать анализ причин их возникновения и роста...

Во время нашего пребывания в пораженных районах мы постоянно вели разъяснительную кампанию, стремясь избежать ненужного кровопролития, стараясь успокоить население, вернуть бежавших в горы и леса крестьян обратно в села и выяснить путем допросов захваченных в плен повстанцев и бесед как с их «делегациями», так и другими товарищами подоплеку всего происшедшего, выяснить, какие причины заставили крестьян взяться за оружие.

Нами установлено с ясностью, не допускающей возражений, что причины «Хулинского инцидента» в ряде мероприятий партийных и советских органов Аджаристана, которые оказались оторванными от крестьянской массы и не сумели достаточно верно оценить как настроения отдельных прослоек, так и ряд объективных условий быта и жизни аджарского крестьянина.

В ряду этих причин основная заключается в нажиме, под которым проводилась кампания по снятию чадры. Выяснено, что в ряде случаев вместо создания благоприятной об-

становки для добровольного снятия чадры, уездные органы власти применяли метод угроз, арестов и насилий.

С кампанией по снятию чадры совпали по времени: закрытие медресе и мектебе (мусульманских духовных училищ. – *Б.С.*), перевыборы Советов и «активизация» женщин в связи с приближением дня 8 марта.

Такая «нагрузка» оказалась не под силу аджарскому крестьянину. В результате всего этого блок кулацких и антисоветских элементов с муллами и ходжами сумел на религиозно-бытовой почве подчинить своему влиянию основные массы крестьянства – бедняков и середняков – и таким образом создать единый фронт против мероприятий советской власти...

Коммунисты и комсомольцы иногда держали себя вызывающе. По показаниям крестьян, многие из партийцев не здоровались с населением при встречах, запрещали называть себя «товарищами» («Какой я тебе товарищ»), смеялись над религией и т. д.

В результате в январе месяце мы имели в том же Хулинском уезде выступление женщин, которые в числе до 200 человек избили учителя. Репрессии, проведенные после этого случая (арест 22 человек), заставили крестьянство смириться и «добровольно» снимать чадру. Всеаджарский съезд женщин аджарок, постановивший снять чадру, внешне прошел блестяще. Однако в период пребывания женщин на съезде в Батуме был допущен ряд бестактностей. Делегатов

водили на оперетту и в балет. Зрелище обнаженных по ходу оперетты женщин на сцене, в глазах мужей аджарцев превращалось в символ разврата, который царит в Батуме и от которого аджарскую женщину спасет чадра – честь. Снять чадру значит обесчестить женщину. Некоторые аджарцы уводили своих жен из театра во время действия.

Чрезвычайно характерно, что из всех уездов Аджаристана именно в Хулинском уезде мы имеем наибольшее количество случаев снятия чадры (3500), а из всех теми (сельсоветов. – *Б.С.*) Хуло этим особенно выделяется Чванское.

Не подлежит никакому сомнению, что эти высокие цифры получены в результате административного нажима, ибо иначе это явление, ввиду особой некультурности Хуло, необъяснимо.

Поэтому, когда к 8 марта стали в Хулинском уезде проводить выборы женщин гостей на Всеаджарский съезд Советов, крестьянство решительно воспротивилось... По директиве секретаря укома тов. Каландадзе в семье Концелидзе за неявку на собрание были арестованы 5 мужчин (показания самого Концелидзе). Темские власти вызывали к себе ненависть населения.

В Схалатинском теми были случаи, когда заставляли аджарцев приводить на собрание своих больных жен на спине...

Ошибки в налоговой политике (переобложение), имевшие место в прошлом году и ныне исправленные, по показа-

ниям крестьян приучили их критически относиться к мероприятиям власти.

Нередки были случаи снижения налога с 200 рублей до 50 и т. д. Крестьяне заявляли: «Если бы мы сами не принимали мер к снижению, нам так бы и пришлось платить по 200 рублей». Отсюда вывод: крестьянство само должно защищать свои интересы.

Большое недовольство вызвало к себе госстрахование. Не столько само по себе, сколько система усиленного взимания очередных взносов и систематическое запаздывание в выдачах премий за павший скот.

Поэтому в Чванах выборы женщин происходили в уже созданной указанными моментами напряженной обстановке. Поведение партийцев, приехавших 7/III для проведения выборов, отнюдь не способствовало разряжению сгущенной атмосферы. Они, по многочисленным показаниям, заявили, что если мужа не приведут женщин на собрание, будут применены репрессии, что правительство намерено силою снимать чадру, и т. д. 50 крестьян окружили приехавших товарищей, стали их избивать.

Активное участие в этом принимали группа Абдула Такидзе, влиятельного кулака села Дуз-Чвана, вместе с бандитами Изетом Чигаидзе и Одабаш-оглы... Сторонники этой группы немедленно после избиения разошлись по селам Чванского теми поднимать население и призывая его к вооруженной борьбе за «веру и обычай».

Часть крестьянства шла более или менее охотно, будучи распропагандирована раньше, другая часть шла потому, что «все соседи выступили».

Общее состояние района, хотя и представлялось гораздо более удручающим, чем во время январского выступления женщин, однако могло бы разрешиться миром, если бы этому не помешал бы ряд новых обстоятельств... В руки вооруженных крестьян попали несколько членов правительства, ряд ответственных работников и некоторые представители местной власти, один вид которых разжигал скрытую ненависть поднявшихся крестьян.

Члены правительства с товарищами были окружены в доме Абдуллы Такадзе, с группой сторонников науськивавшего толпу на них, а с другой стороны обещавшего спасти пленников... Нужно откровенно признать, что поведение захваченных членов правительства, в частности, председателя СНК тов. Мамеда Гогоберидзе, внедряло в сознание повстанцев мысль, что правительство слабо, что стоит только сильнее нажать на него, и все требования крестьян будут выполнены, и что, в сущности говоря, повстанцы правы в своих претензиях. М. Гогоберидзе выступил перед повстанцами с заявлением, что он сам против снятия чадры и закрытия медресе, что он по этому вопросу выступал в Батуме, но что его не послушали, и т. д. Недопустимое для члена правительства и коммуниста поведение».

Берия цитировал письмо захваченных повстанцами чи-

новников Совнаркому и обкому Аджарии: «Весь народ Чванского теми сильно взволнован действиями местной власти. Народ Чванского теми требует немедленно отдать к строжайшему суду как темское, так и уездное правительство, а также требует немедленно упразднить все постановления местной власти, в особенности: снятие чадры, закрытие медресе – мектебе. А также просит никаких красноармейцев не вводить, чтобы напрасно не проливать кровь бедных крестьян. Нас всех хорошо берегут и все кончится перемирием. Примите меры к перемирию. Обязательным условием перемирия положено – приезд т. Рыкова в Аджаристан. Этого требует не только Чванское теми, весь Аджаристан, повторяю, войска не высылайте, а дело кончится миром».

Лаврентий Павлович сделал вывод, что поведение захваченных членов аджарского правительства «способствовало тому, что движение стало нарастать и из рядового случая избияния трех зарвавшихся коммунистов – вылилось вооруженное выступление».

Уже 6 апреля 1929 года Берия представил Реденсу доклад Грузинского ГПУ о событиях в Аджарии. Станислав Францевич оставил на докладе красноречивую резолюцию: «Настоящий доклад, объясняющий с точки зрения ГПУ Грузии причину событий в Аджаристане, а также и выводы, настолько исчерпывающий, что специального доклада по этому вопросу ЗакГПУ давать не будет, вполне солидаризуясь с этим докладом».

Прежде чем перейти к самому докладу, замечу, что эта резолюция, на мой взгляд, опровергает расхожее мнение о будто бы конфликтных отношениях между Берией и Реденсом. Единственный серьёзный аргумент в пользу этой версии – арест Реденса по ордеру, подписанному Берией, 22 ноября 1938 года. Сын Станислава Францевича Владимир Аллилуев утверждает: «Сильному, хитрому и прожжённому интригану Берия, рвущемуся к большой власти, Реденс – человек дзержинской закалки – был совершенно не нужен в качестве начальника, он был ему опасен. Причём опасен вдвойне, ибо мой отец, породнённый семьями со Сталиным, имел к нему прямой доступ.

Свалить Реденса по деловым качествам Берия было не под силу, и тогда он обращается к приёму, которым он мастерски пользовался всю свою жизнь – нужно человека скомпрометировать. В этом Берия был непревзойдённый профессионал.

Мать мне потом рассказывала, что отцу было непросто работать в Грузии... Особенно ему досаждали частые застолья и обильные возлияния. Пить он не любил и всячески старался этих застолий избегать. Но в один прекрасный день, где-то под Новый год, Берия со своими людьми хорошенько напоили отца, раздели его и в таком виде пустили пешком домой. «Шуточка» удалась. После этой «шалости» работать в Закавказье на посту полномочного представителя ОГПУ и председателя ГПУ отец уже не мог. В начале 1931 года Ре-

денса переводят в Харьков и назначают председателем ГПУ Украины».

Не знаю, действительно ли Реденс допился до того, что вернулся домой в костюме Адама, и была ли это на самом деле «шутка», организованная Берией. Что-то не верится, что Лаврентий Павлович рискнул бы так пошутить со сталинским свояком. Иосиф Виссарионович, наверное, наказал бы осрамившегося руководителя закавказских чекистов, но расценил бы «шалость» прежде всего оскорблением самому себе. А уж он-то нашёл бы возможность поквитаться с архитектором скандала. По свидетельству же Хрущёва, Реденс сильно злоупотреблял спиртным, так что свободно мог допиться до скотского состояния и без помощи Берии.

В докладе о положении в Аджарии Берия подчёркивал: «Корни развернувшихся событий кроются не только и не столько в антисоветской работе элементов, издавна враждебных существу советской власти, сколько, главным образом, в извращении линии партии при проведении советских мероприятий и в ряде объективных причин».

Он дал весьма квалифицированный анализ социально-экономической ситуации в Аджарии: «Положение основной массы аджарского крестьянства в материальном отношении крайне незавидно. Главным бичом аджарца является малоземелье. Если взять Хулинский уезд, наибольший из уездов Аджаристана, являвшийся непосредственной ареной выступления, то здесь на каждое хозяйство в среднем при-

ходится 0,77 га посевной площади и 0,51 га сенокосной площади. Норма неимоверно мизерная. С этого клочка земли каждое хозяйство, состоящее в среднем из 7 душ, должно прокормиться в течение года.

В связи с крайним малоземельем большое значение в бюджете аджарского крестьянина занимают скотоводство и лесной промысел... В Хулинском районе, например, насчитывается свыше 45.000 голов скота, что составляет на каждое хозяйство в среднем по 11 голов... Пастбищ для прокормления скота достаточно, на каждое хозяйство приходится по 9 га, однако большинство крестьян предпочитает на лето перегонять свой скот на попас в район Артвина в Турции (до Первой мировой войны этот район входил в состав Российской империи. – *Б.С.*). До 1926/27 года пользование пастбищами в Аджаристане производилось бесплатно. Затем была установлена оплата в размере 40–50 копеек за голову крупного рогатого скота и 12,5–15 копеек за голову мелкого скота. Эта плата при всей её незначительности, тем не менее является достаточно чувствительной для бюджета крестьянина, так как доходность хозяйства его, благодаря применению отсталых форм и культур, весьма незначительна.

Лесной промысел в довоенное время давал крестьянству в год свыше 10.000 рублей дохода. Вследствие хищнического истребления леса таяли с неимоверной быстротой. С установлением советской власти вопрос упорядочения лесного хозяйства был поставлен в надлежащую плоскость. Вся пло-

щадь лесов была разбита на 2 части, из которых 50 процентов были объявлены лесами госзначения с установлением соответствующей плановой системой эксплуатации, а остальная площадь передана в ведение крестьянства. Естественно, что в связи с этим доходность крестьянства уменьшилась. Ценный лес из государственных угодий стал отпускаться за плату, причём некоторым категориям крестьян с известной льготой... Всё же крестьянство весьма недовольно этой реформой и во всех требованиях повстанцев мы находим пункт о бесплатном отпуске леса».

Лаврентий Павлович указал на кричащую нищету аджарцев: «Валовая доходность крестьянского хозяйства, по исчислению Аджарского Госплана, определялась в 1927/28 году суммой 323 рубля в год. По Хулинскому уезду она ещё меньше и достигает цифры в 290 рублей. В то же время по минимальному хозсчёту Госплана, прожиточный минимум средней крестьянской семьи в Аджаристане равен сумме в 554 рубля в год. Следовательно в среднем каждое хозяйство имеет дефицит в своём бюджете на сумму 264 рубля в год, т. е. 49 процентов... Если же принять во внимание, что громадное большинство крестьянских хозяйств Аджаристана относится к бедняцким (70 процентов всех хозяйств освобождены от налога), то всё бедственное положение аджарского крестьянства станет более понятным.

Каждое стихийное бедствие или недород обрекает его на голод. Так было, например, в 1926/27 году в результате силь-

ного наводнения. В текущем году уже в январе месяце отмечаются жалобы беднейшей части крестьянства на голод. 8 декабря в селении Цхемвени бедняк Хуршуд Эминович Махарадзе, 47 лет, в группе крестьян 4–5 человек, высказался: «Кончились у меня и деньги, и кукуруза, что будет с нами зимой, все мы сдохнем с голода, если будет так продолжаться, то Аджария восстанет против коммунистов»...

Естественно, что в связи с этой нуждой появляется недовольство властью, усиленно муссируемое кулацкими элементами».

Берия также отмечал, что расцвет в Аджарии преступных промыслов вызван безысходной экономической ситуацией: «Бедственное положение аджарского крестьянства является одной из причин высокого распространения в Аджаристане контрабандного промысла. Имея глубокие экономические корни, контрабанда здесь не уничтожается, несмотря на применение репрессивных мер».

Большое недовольство вызвало также введение обязательного государственного страхования скота. Помощь пострадавшему от наводнения населению оказалась расхищена, что также не способствовало популярности коммунистической власти. Берия приводил убийственные факты: «Для оказания помощи населению, пострадавшему от наводнения, в 1926/27 году было отпущено 194.000 рублей. Из этой суммы было истрачено по прямому назначению всего лишь 50.000 рублей, остальная же сумма пошла на другие расходы, ниче-

го общего не имеющие с оказанием помощи пострадавшим от наводнения...»

Вину за вспыхнувшее восстание Берия возлагал на местное партийное руководство Хулинского уезда: «Все имеющиеся материалы показывают, что поведение довольно значительной части партийцев и комсомольцев во время важнейшей кампании по перевыборам Советов и борьбе с религиозно-бытовой косностью... послужило одной из причин для возникновения выступления... Кратковременные аресты, угрозы и насилия часто сопровождали кампанию по снятию чадры и закрытию медресе.

Всё это естественно вызывает открытое и явное недовольство широких крестьянских масс, ещё больше усугублённое тем, что сами партийцы и комсомольцы не выполняли того, что проводили.

В селении Семеба 15.1.29 г. было назначено общее собрание для проведения подготовительной предвыборной кампании. Собрание было собрано жителем, кандидатом ВКП(б) Коболодзе Хасаном Мамудовичем, который в тот день устраивал свадьбу сестры с подарками и, чтобы не провалить свадьбу, уговорил крестьян вместо собрания придти на свадьбу. Было приглашено до 200 человек. Среди крестьян на этой почве наблюдались разговоры: наше правительство запрещает нам устраивать свадьбы, однако сами коммунисты делают это, чтобы заработать деньги, назначают свадьбу с подарками, а Коболодзе не задумался даже перед тем, чтобы сорвать

собрание крестьян.

В селе Тхилвани Схалтинского теми (сельсовета. – *Б.С.*) ячейка ЛКСМ, секретарём которой состоит Иса Микеладзе, на 100 процентов религиозна. Все члены ячейки до собрания идут молиться... Микеладзе совместно с красноармейцем Патарадзе был на рыбной ловле. Когда настало время молитвы, он бросил всё, встал на колени и начал молиться.

Во время кампании по проведению кампании по снятию чадры коммунисты, комсомольцы и их семьи не только не давали должного примера массе, но, наоборот, сплошь и рядом способствовали срыву кампании и росту недовольства тем, что, не снимая чадры своих жён, заставляли это делать других...

Слабость партийной и комсомольской организации, отсутствие политического чутья у руководящей верхушки, отрыв их от всей остальной массы крестьянства и резкое пренебрежительное отношение к ним явились важнейшими причинами той ненависти, которую стали питать крестьяне к компартии вообще.

«Коммунисты – как волки для нас», – говорили повстанцы в своих речах...

Часть партийцев, чтобы избежать побоев и сохранить свою жизнь, примкнула к повстанцам, даже возглавила их небольшие отряды, другая, оставшаяся более или менее верной партии, подверглась гонениям и арестам среди повстанцев».

Начальник Грузинского ГПУ специально отметил, что «ещё в конце 1927 года нами было сигнализировано нарастание массового движения в Аджаристане, выявившегося тогда в сильном переселенческом настроении, грозившем перейти в вооружённое выступление». Имелось в виду намерение многих аджарцев переселиться в Турцию.

Берия особенно остановился на роли мусульманского духовенства в организации восстания: «Сельское население Аджаристана обслуживается 150 мечетями и двумя сотнями мулл. Таким образом, на каждые 300 крестьян аджарцев приходится один мулла, на каждые 400 – одна мечеть. Материальное положение муллы – выше середняцкого крестьянского хозяйства. В большинстве случаев аджарские муллы могут быть причислены по своему экономическому положению к кулакам... Исключительно духовной деятельностью занимается лишь меньшая половина мулл. Остальные же располагают, кроме того, собственным хозяйством или состоят на советской службе (преподают в советских школах). Средний годовой заработок муллы от мечети 400–500 рублей... Этот заработок уже значительно превосходит среднюю доходность аджарского крестьянского хозяйства... Крестьяне оказывают муллам так называемую «трудовую помощь»... Духовная карьера зачастую привлекает молодое крестьянство, и теперь мы имеем целый ряд групп общей численностью до 100 человек, которые проходят спецкурс в особом рода семинариях и готовятся стать муллами... Ад-

жарский мулла занимает острую антисоветскую позицию не только по мотивам религиозного порядка, но также потому, что хозяйство его – кулацкое хозяйство.

Аджарское духовенство сохранило свои права почти в полной неприкосновенности и после советизации. Бывший председатель СНК Химшиашвили организовал духовенство, объединив его в лице муфтиата, и предоставил этому духовенству также льготы и привилегии, которыми оно в Аджаристане никогда не пользовалось».

Берия указал и на связь повстанцев с аджарской эмиграцией: «Химшинский уезд являет собою сферу влияния беков из фамилии Химшиевых. Советизация Аджаристана заставила Химшиевых бежать в Турцию и расселиться в пограничной полосе (Ардаган, Поцхов).

В Турции Химшиевы чувствовали как бы гостями и продолжали себя считать хозяевами Верхней Аджарии.

Аджарские крестьяне не порывали связи с беками, общаясь с ними во время летних кочёвок. Это позволяло бекам влиять на аджарских крестьян в отрицательную сторону. Всякий провалы советской власти беки раздували, внедряя в сознание аджарца недовольство соввластью и предвещая близкий её конец. Постоянное общение с политическими эмигрантами Грузии, Азербайджана и проч. позволяло бекам осведомляться относительно антисоветских планов кавказской эмиграции, что в свою очередь передавалось аджарскому крестьянину. Точно установлено, что до 1927 года

аджарцы Хулинского уезда регулярно платили подать своим бекам-эмигрантам».

Берия пытался урегулировать конфликт с повстанцами без применения силы: «Полоса мирных переговоров с повстанцами продолжалась до утра 24 марта и упорное желание наше закончить конфликт без применения репрессий, к сожалению, не дало желаемых результатов». Требования повстанцев включали «свободу религии», «свободные выборы Советов»; «открытие медресе»; «отмена запрещения носить чадру»; «изгнание всех грузин и коммунистов»; «смена уездной власти и удаление некоторых наркомов Аджарского правительства»; «амнистию всем участникам восстания и арестованным»; «отмена платы за лес и госстрахования»; «запрещение обучения девочек».

Лаврентий Павлович докладывал, как удалось подавить восстание: «При первом же появлении воинских частей участники выступления, за небольшим исключением разошлись по домам почти без всякого сопротивления, и дело обошлось самыми незначительными жертвами. Повстанцы боя не принимали и при первых выстрелах разбегались в разные стороны. Часть из них (около 200 человек) во главе с вожакom Али Султан Болквадзе ушла в Турцию. Уже на другой день, 25. III, всё движение было ликвидировано. Общее количество убитых у нас 8, у повстанцев около 30 человек, раненых – 10 у нас и около 30 у повстанцев». Был расстрелян один из предводителей мятежа в Схалтинском теми Ис-

кандер Махарадзе.

Для оздоровления ситуации Лаврентий Павлович предлагал послать в Хулинский уезд «авторитетную комиссию для обследования работы партийного и советского аппарата и рассмотрения жалоб крестьян», снять ряд проштрафившихся работников и «особо обследовать вопрос о предоставлении крестьянам леса, госстрахования и о кредите». Заодно Берия хотел провести проверку и в других уездах Аджаристана и во всех мусульманских районах Грузии, чтобы предотвратить аналогичные волнения. Берия подчёркивал: «При отсутствии мероприятий по партийной и советской линии, все мероприятия ГПУ не достигнут цели, и те причины, которые лежат в основе имевшего места вооружённого выступления, искоренены не будут». Он понимал, что восстания легче предотвратить экономическими и политическими мерами, чем потом пускать в ход войска. Без нужды Лаврентий Павлович людей не губил. Но и мягкотелостью не страдал. Через несколько недель были сменены основные руководители Аджарии, а ряд руководителей повстанцев, сложивших оружие, арестован и расстрелян. Но восстание вынудило власти разрешить ношение чадры, открыть медресе и не принуждать женщин и девушек посещать школы.

Восстание в Хулинском уезде вызвало резонанс в Батуми и других городах Аджарии. Берия с тревогой отмечал, что в разговорах аджарцев «повторялись... требования о свободе чадры и духовного преподавания, закрытия грузинских

школ, присоединения к Москве и т. д.». Наряду с этой «московской ориентацией» межнациональные отношения между грузинами и аджарцами резко обострились. В среде рабочих это сопровождалось рядом вызывающих поступков со стороны аджарцев (невыход на работу, нанесение побоев). В свою очередь, грузины самым резким и презрительным образом отзывались о «неблагодарных свиньях – аджарцах», которых в своё время напрасно не истребил генерал Ляхов, и т. д. Русские рабочие приходили в негодование от слухов о том, что «аджарцы срубают головы убитым русским красноармейцам», несмотря на это, они, более объективно оценивая события, указывали на промахи и местных властей в антирелигиозной политике, на то, что крестьян вовлекли в движение провокаторы, контрреволюционеры и т. д.». Берия констатировал, что после подавления восстания «тревожное состояние не улеглось. Многие аджарские хозяйства намереваются уйти в Турцию, комсомольцы и партийцы опасаются террористических актов, греки обнаруживают тенденцию уезжать на родину. Производительность труда аджарских рабочих на предприятиях Батума значительно пала».

В качестве необходимых первоочередных мер для оздоровления ситуации в Абхазии Берия рекомендовал: «Предложить Аджарскому обкому послать в Хулинский уезд авторитетную комиссию для обследования работы партийного и советского аппарата и рассмотрения жалоб крестьян, которая должна вести работу во всех темах».

Особо обследовать вопрос о предоставлении крестьянам леса, госстрахования и о кредите.

Оздоровить уездный и темский партийный и советский аппарат путем снятия ряда работников.

Использовать опыт проверки в Хулинском уезде для проведения соответствующих организационных мероприятий не только в остальных уездах Аджаристана, но и во всех мусульманских районах Грузии.

Принять соответствующие меры к поднятию уровня развития аджарского крестьянства».

В последние годы жизни и после смерти Лаврентия Павловича часто обвиняли в «мингрельском национализме». Но в действительности в бытность в Грузии он с этим национализмом, как, впрочем, и со всеми остальными, неустанно боролся, в полном соответствии с линией партии. Так, 23 апреля 1929 года в очередной информационной сводке Берия сообщал: «Проект перенесения центра ряда уездов Западной Грузии в Поти вызвал недовольство в ряде районов Зугдидского уезда... Много толков создано вокруг Зугдидского музея. Ходят слухи о том, что вся реорганизация вызвана желанием Тифлиса присвоить себе музей, для чего и хотят лишить Зугдиди его значения, как уездного центра. Слухи эти подкрепляются проникшими в массы сведениями о предполагаемой распродаже части экспонатов для вывоза за границу. В разговорах слышится много протестов, оценивающих распродажу как «разграбление народного достояния»,

«хищническое отношение к культурным ценностям» и т. д.

Нетрудно видеть за всем этим, с одной стороны, отражение местных интересов, ущемляемых ликвидацией (по мнению крестьян) музея, приносившего доход жителям от экскурсантов; с другой стороны – история с музеем – повод для всякой враждебной агитации, в том числе и для агитации так называемых «мингрельских сепаратистов». К последним Лаврентий Павлович, как видно не питал никаких симпатий. И всегда за национальными и политическими требованиями он усматривал также экономическую основу.

Надежды на избавление от тягот хлебного кризиса 1928–1929 годов и сплошной коллективизации крестьяне видели в лидерах антисталинской оппозиции. Так, 27 апреля 1930 года чекисты изъяли в Тифлисе до 300 экземпляров троцкистских листовок, где, в частности, утверждалось: «Аппаратная бюрократия захватила власть. Рабочий больше не хозяин своей страны... Даже если пятилетка будет выполнена, это только укрепит строй бюрократии. Рабочие останутся ни с чем. Не нужно поддаваться обману... Сейчас различные части бюрократии, сталинцы, правые, борются друг с другом. Все они, не говоря уже о меньшевистской и прочей сволочи, хотят воспользоваться недовольством в рабочей массе... Сознательные рабочие, глубже усваивайте неисполненное завещание Ленина, чтобы разобраться во всех уловках и маневрах правительственных аппаратчиков... Да здравствует диктатура пролетариата не на словах, а на деле!»

А в Батуме в ночь с 5 на 6 мая распространялись рукописные листовки уже от лица правых: «Трудящиеся. Коммунистическая партия накануне гибели. Уверяем вас, что коммунисты будут скоро уничтожены. Несчастный народ, всюду слышен твой стон. Вы не имеете ни хлеба, ни радости». Листовка была подписана: «Правый рабочий».

5 мая 1930 года Берия докладывал руководству Закавказья о настроениях населения Эриванского и Ленинканского округов в связи с продовольственными трудностями: «В селении Гейгумбет местными троцкистами ведётся провокация о том, что «Красная армия больше не в состоянии противостоять бандам и в Нахкрае (Нахичеванском крае. – *Б.С.*) она сдалась бандитам... Троцкий собрал 6000 аскеров из Турции и перешёл на сторону дашнаков, и скоро дашнаки во главе с Троцким будут в Армении». Вдохновителем последней провокации (о Троцком) явился бывший руководитель группы троцкистов Акуппорян».

Лев Давыдович Троцкий во главе 6 тысяч турецких солдат, в качестве предводителя дашнаков идущий освобождать Армению от большевиков, – такое можно вообразить только в анекдоте от армянского радио. Но так уж достал крестьян Сталин, что они готовы поверить в примирение двух злейших врагов – турок и дашнаков и готовность последних подчиниться человеку, который руководил ликвидацией независимой Армении.

Голод был такой, что вместо мяса в борще могла оказать-

ся... ящерица. Берия докладывал руководству Закавказья: «1-го июня 1930 г. в Забратской столовой ЦРК № 13 (г. Баку. – Б.С.) сварили вместе с борщом довольно большую ящерицу. Части этой ящерицы попали в несколько тарелок обедающих рабочих ... Последнее время в новых рабочих столовых Заводостроя ФЗР на стройках «Макс-Миллер», «Бедшер», «Винклер», «Кох», где работают до 1000 человек, наблюдается раздача обедов, явно недоброкачественных, так, например, в борще нескольких рабочих были обнаружены черви в 2 сантиметра, вторые блюда являются какими-то рвотными и часто бракуются рабочими. 28.IX.1930 г. и 4/X составили акты с подписями завкома и нескольких рабочих о найденных червях и гнилостном запахе во 2-м блюде».

А когда в Азербайджане летом и осенью 1930 года в связи с коллективизацией вспыхнуло восстание, повстанцы возлагали надежды на лидеров правой оппозиции. Побывавший в плену у мятежников член компартии бакинский рабочий-железнодорожник Рахманов свидетельствовал в своем докладе руководству Закавказского ГПУ – Реденсу и Берии: «Район, куда я был командирован, буквально кишит бандитами. Есть банды до 200 человек. Вооружены они прекрасно, причем особенно интересным является то, что они хорошо снабжены патронами. Я встречался в июле с группой бандитов – верховых. Они вступили со мной в разговор. Они называют себя не бандитами, а просто людьми, спасающими свои

жизни от произвола местных властей, доведших их до необходимости взяться за оружие. Крестьяне жалуются на свою тяжёлую жизнь и безвыходное положение. С одной стороны, они обязаны снабжать хлебом правительство, а с другой стороны – снабжают требующих хлеба бандитов».

Реденс и Берия цитировали суждение о восстании беспартийного бакинского слесаря И. Афанасьева: «В Гяндже уже началось восстание. Туда посланы войска на усмирение. Восставшие в Гяндже взрывают мосты и грабят поезда. Когда-нибудь эта проклятая власть сломит себе голову. Есть ведь пословица: сколько вор ни ворует, а рано или поздно голову сломит. Ты посмотри на настроение массы. Нет ни одного процента довольных. Власть прямо издевается над народом. Ведь даже хлебом не может снабдить население. Сама напакостит власть, а потом находит каких-то вредителей. Со многими мне приходилось говорить и они прямо говорят – пусть только начнется война, мы знаем на кого поднять винтовку за то, что грабят наших отцов. Ведь сами партийцы против этого безобразия. Посмотри на настроения наших рабочих и сам хорошо поймешь. Казаки на Северном Кавказе только и ждут начало конца». К этому крику души чекисты сделали такое примечание: «В прошлом Афанасьев собственник – имел свою мастерскую, в данное время антисоветски настроен».

А рабочий бакинской «Союзнефти» Ивашенко предавался мечтаниям с каким-то безвестным сексотом: «Рабочие

ничего не жрут, кроме хлеба. Наше положение улучшится, когда Рыкова прогонят, а за ним и Сталина». Лидеры правых, выходит, были столь же ненавидимы рабочими, как и Сталин.

Впрочем, некоторые из недовольных, особенно из числа интеллигенции, высказывали симпатии Бухарину. «С такой политикой, если мы будем продолжать в таком же духе, мы далеко не уйдем, – заявлял беспартийный инженер отдела рационализации бакинского завода имени Шмидта Зимников, – главное, все молчат и ничего не хотят говорить. Политика, которую ведет ЦК ВКП(б), приведет к тому, что скоро люди будут подыхать с голода. Бухарин был прав, что нельзя было так круто поворачивать тяжелую индустрию. Это все может отрицательно повлиять на население и вызвать нежелательные колебания, да и партийцы когда-нибудь очнутся от спячки. Рабочие скрытно ропщут на пятилетку. Пока возможно, надо исправлять сейчас».

Другой бакинский инженер, Барак, откликаясь на расстрел 48 «вредителей», заявил: «Советская власть нашла причину продзатруднений в тех 48, которых расстреляли. Это только замазывание глаз рабочим. Рабочему в настоящих условиях на те гроши, которые они получают, жить почти невозможно. Кооперативы пусты, обеды противны в столовых, что будет дальше, никому не известно».

Непраздничное настроение было у рабочих в Закавказье в день 7 ноября 1930 года. В сводке, составленной в связи с

главным революционным праздником, Берия сообщал о высказываниях рабочих Армянского карбидного завода: «Все, о чем докладывали на заседании (о достижениях власти и др.), является ложью». «Мы не обязаны работать в пользу крестьян, так как последние сами ничего не делают, а рабочих заставляют работать за них. Крестьяне нам за это из своей продукции ничего не дают. Этим мы только их превратим в лодырей. Рабочих и превратили в каких-то ослов самопожертвования. В единственный выходной день (7 ноября) нас, рабочих, гонят куда попало. Голыми и босыми отправляют нас на уборку хлопка, не снабжая нас обувью и одеждой». Подобные настроения подытожил директор Клинического института Меликян: «Нам не до Октябрьских празднеств, когда желудок пуст».

Октябрьская демонстрация в Баку в том году тоже прошла далеко не гладко. Берия докладывал: «В демонстрации отдельные рабочие выступали против правых уклонистов и призывали вести борьбу с ними. Часть выступающих поддерживала право-оппортунистические лозунги, отрицая необходимость борьбы с Бухариным, Рыковым и др. Беспартийный рабочий Ахмед Таги из Ленинского района: «Мы с начала пятилетки обвиняли Бухарина за его неправильный подход к вопросам хозяйственного строительства, а на деле вышло, что он прав. Нас морят голодом, зарплаты вовремя не выдают». Комсомолец Симонян, рабочий строительного отдела Ленинского района: «С идеей колхозов ничего не вы-

шло, разорили крестьян и нас с голода уморят. Не нужно было настаивать и прислушиваться к голодающим рабочим и крестьянам. Мы рабочие работаем голодные и раздетые, а жены комиссаров ходят в шелку и золоте. На шею рабочего садятся и чем дальше, тем хуже становится, конца не видно». Рабочий «Азнефти» Курдилов: «Крестьян грабят, не дают им развивать своего хозяйства, народ голодает. Если на сторону Рыкова и др. перейдут еще несколько вождей, то тогда разобьют Сталина». Незвестный: «Видно положение улучшается. Политбюро сейчас фактически проводит линию правого уклона. Товары отпускаются без ордеров, скоро отменят заборные книжки (карточки. – Б.С.). Умерили отпуск товаров за границу. Зачем уклонистов обвинять, ведь они этого не хотели».

«Политика Сталина привела нас к нищете. Недаром Рыков и Бухарин против его политики. Голод терпеть можно год, а не подряд несколько лет. Ведь заводами и фабриками сыт не будешь», – возмущался котельщик завода имени Пятакова член ВКП(б) Гриценко. А другой член партии кочегар того же завода Гейдар Керимов в группе рабочих говорил: «Из-за политики Сталина все персидские подданные уезжают в Персию. Они правы, так как голодать никто не хочет».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.